

© 2018 г.

Р.Г. ПИХОЯ

РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ: 1917 И 1991

Пихоя Рудольф Германович — доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Российская история» (Москва, Россия).

Статья подготовлена по гранту международного конкурса РГНФ — Китайская академия общественных наук (КАОН) 2017 г. «Сравнительное изучение Октябрьской революции и распада СССР российскими и китайскими учеными». Номер заявки: 17-21-210038172100210039.

Чем больше мы углубляемся в изыскание причин, тем больше нам их открывается, и всякая отдельно взятая причина или целый ряд причин представляются нам одинаково справедливыми сами по себе, и одинаково ложными по своей ничтожности в сравнении с громадностью события, и одинаково ложными по недействительности своей (без участия всех других совпавших причин) произвести совершившееся событие.

Л.Н. Толстой «Война и мир».

DOI: 10.7868/S0130386418030125

Историческая хронология не всегда совпадает с астрономической. Русский XX век поэтому можно отсчитывать с 1917 г., а завершать 1991-м. Он начинается и заканчивается двумя политическими революциями. Проблема общего и особенного в революциях, причины, которые к ним привели, стали со времени Великой французской революции объектом тщательного изучения историков, политиков, политологов и социологов. Сошлюсь хотя бы на ленинские размышления о значении Октября «в узком» и «широком» смыслах, сделавшиеся на десятилетия вперед каноном для советской историографии революции¹. Однако, как окончательно выяснилось к концу XX в., революции бывают не только пролетарскими и социалистическими. В СССР в конце 1980-х — начале 1990-х годов произошла политическая революция, изменившая социальное устройство, экономические устои, идеологические основания, установленные после 1917 г. Следствием этого стал распад СССР.

Последнее обстоятельство заслоняет определение природы революционных перемен, произошедших в России и до сих пор не получивших своего наименования — в отличие от «бархатных», «оранжевых», «розовых» и иже с ними революций, прокатившихся по Восточной Европе и бывшему Советскому Союзу.

Сделаю предварительное замечание. Мне пришлось принять непосредственное участие и быть свидетелем развития революции конца 1980-х — начала 1990-х годов. Не скрою, мне нравится замечание, сделанное активным участником и свидетелем революции 1917 г. П.А. Сорокиным. «Не потомки, а современники — лучшие судьи и наблюдатели истории, — пишет он. — Исторический опыт первых основан на документах, а потому неадекватен, в то время как опыт современников не опосредован ничем; их знакомство с событиями непосредственно, они переживали их ежедневно и на себе лично, в то время как знания потомков фрагментарны, случайны и обезличены». Далее Сорокин замечает, что «это утверждение становится еще весомее в отношении тех современников, которые расширяют круг своего индивидуального опыта опытом других людей, статистическими обзорами и другими научными

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 3–5.

методами, дополняющими и корректирующими личностное знание»². Постараюсь следовать этому соображению.

Последние десятилетия мне пришлось много изучать документы по истории конца 1980 – начала 1990-х годов. В гораздо меньшей степени я являюсь специалистом по началу XX в., знаю его преимущественно по историографии.

Первый вопрос, на который следует ответить, должен быть сформулирован следующим образом: насколько правомерно сравнивать события 1917 и 1991 гг., разделенные не только тремя четвертями столетия, но и теми изменениями, которые произошли за этот срок в стране, в чем сходство и различие между двумя этими событиями?

Второй вопрос звучит так: что же позволяет утверждать, что на рубеже 80–90-х годов XX в. в России произошла вторая великая революция?

Поставим первый вопрос и постараемся дать на него ответ. Так возможно ли и как сравнивать эти события, в чем их радикальные отличия?

Сначала определим объект изучения. Это – Россия в ее исторически различных политических формах XX в. Следует рассматривать ее как единый объект исторического исследования, сохранявший как более или менее константные величины, так и ряд переменных характеристик. И главное – проблема не в аналогиях. Проблема в преемственности.

ПОСТОЯННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Территория. Территория СССР по площади не слишком отличалась от территории Российской империи. Не было Польши, не было Финляндии, но добавились земли в Центральной Азии, вошли в состав СССР Тува, в 1940 г. – государства Прибалтики, часть земель Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабия, а после войны – часть Восточной Пруссии. Площадь СССР в конце 1980-х годов составляла 22 402 200 кв. км, площадь Российской империи в 1913 г. – 21 800 974 кв. км. При очевидном влиянии антропогенного давления на природу, насаждение монокультуры в сельскохозяйственном производстве, в особенности в республиках Средней Азии, природно-климатические характеристики страны практически не изменились. Достаточно отметить, что от 60 до 65% площади страны как было, так и осталось в зоне вечной мерзлоты³. В XX в. в Европе находилось около четверти территории страны, остальные 75% – в Азии. И в Российской империи, и в СССР Россия занимала 3/4 территории страны.

Население. Советский Союз, как и дореволюционная Россия, оставался страной с низкой плотностью населения, к тому же крайне неравномерно расположенного по ее территории. Плотность населения на начало 1914 г. составляла 7,9 человека на одну версту, в том числе в Европейской России – 25,9, а в Сибири – 0,8⁴. В СССР, по данным на 1976 г., в среднем на 1 кв. км приходилось 11,5 человек: в Европейской части – 34, а в Сибири и на Дальнем Востоке – около 2 человек. Как видно, показатели за 100 лет изменились не сильно. Однако в стране существовали серьезные отличия как на региональном, так и этническом, культурном уровнях, а также по экономическому потенциалу и специфике местных традиций. Достаточно указать, что в Московской области и Москве плотность городского населения составляла 88%, в Свердловске и Свердловской области – 85%, в Таджикской ССР – 33%, Туркмении – 45%, Грузии – 56%⁵. Впрочем, и в России региональные и этнические различия были очень велики.

И в Российской империи, и в Советском Союзе русские составляли немногим более половины населения. Перепись 1897 г. зафиксировала, что русский язык является

² Сорокин П.А. Социология революции. М., 1998, с. 31.

³ Мерзлотоведение (краткий курс). Под ред. В.А. Кудрявцева. М., 1981, с. 7–8.

⁴ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. Под ред. А.М. Анфимова, А.П. Корелина. СПб., 1995, с. 18–22.

⁵ Лабутнова Т. Ежегодник Большой советской энциклопедии, вып. 34. М., 1990, с. 007–011.

родным для 44,3% населения. По переписи 1989 г. русских было 50,8% от населения страны (145 155 тыс. человек из 285 743 тыс. общей численности), причем удельный вес русских в СССР постоянно сокращался в связи с высоким уровнем рождаемости в республиках Средней Азии⁶.

Централизованное управление. Российскую империю и СССР объединяло наличие строго вертикальной системы управления. В первом случае это было зафиксировано в Основных государственных законах Российской империи от 23 апреля 1906 г. положением «О существе Верховной самодержавной Власти», согласно которому «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает». В Конституциях СССР 1936 и 1977 гг. констатировалось, что вся власть в стране принадлежит коммунистической партии. Коммунистическая партия, указывалось в Конституции СССР 1936 г., представляет «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». В Конституции СССР 1977 г. это положение было усилено – в 6-й статье говорилось: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза». Номенклатурный принцип управления СССР затрагивал все официально признанные сферы жизни страны, ставил во главе всей пирамиды управления страной генерального секретаря ЦК КПСС, полномочиям которого император мог бы только позавидовать!

Цена патернализма. Отметим еще одну особенность, характерную и для России, и для СССР, – надежду на государя, главу страны. Его сакрализация, в разных формах присутствовавшая на протяжении отечественной истории и своеобразно воплощавшаяся в убеждении, что верховная власть справедлива, нравственна, что она всеобщая защитница, жила в народе, воплощаясь то в социальных утопиях⁷, то в «письмах во власть», направляемых в партийные органы – от райкомов до ЦК КПСС⁸. Вера в конечную справедливость верховной власти, социальный патернализм, многократно спасавший и власть, и отождествлявшиеся с ней формы государственности, имела и опасную составляющую. Десакрализация верховной власти, часто персонифицированной с главой страны, была способна обрушить всю пирамиду власти и государственного управления, как это и произошло в 1917 и 1991 гг.

СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ

Крестьянство и сельское хозяйство. Царская Россия была страной крестьянской. По данным Всероссийской переписи 1913 г. в сословии крестьян числилось 77,12% населения, а сельским хозяйством занималось 93,7% населения⁹. Смее утверждать, что после проведения всеобщей коллективизации в СССР крестьянство перестало существовать как социальная группа, для которой было свойственно самостоятельное ведение сельского хозяйства. Крестьяне-земледельцы превратились в зависимых от государства колхозников и сельскохозяйственных рабочих совхозов, полностью лишившись признаваемой государством личной хозяйственной самостоятельности. По многим причинам (сохранявшиеся до конца 1981 г. ограничения в выдаче паспортов

⁶ По переписи 1979 г. русские составляли 52,4% населения СССР.

⁷ Упомяну блестящее, сохраняющее в полной мере актуальность исследование К.В. Чистова. См. *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII – XVIII вв. М., 1967.

⁸ Эта тема еще ждет своего исследования. В качестве первых опытов укажу на исследование, выполненное под руководством А.К. Соколова (отв. редактор). См.: *Голос народа: письма и отклики советских граждан о событиях 1918–1932 гг.* М., 1997; *Общество и власть: 1930-е гг. Повествование в документах.* М., 1998.

⁹ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник, с. 219–220.

для сельских жителей¹⁰, потребности промышленности в рабочих руках, более высокий уровень жизни в городах) сельские жители переселялись в города, и население деревень постоянно сокращалось. По данным Всесоюзной переписи 1989 г. сельское население составляло только 34,46%. Россия из страны, экспортирующей хлеб, превратилась в крупнейшего его импортера. В 1913 г. Россия вывезла за границу хлеба в зерне и муке на 589,9 млн руб.¹¹

В СССР начиная с 1961 г. систематически шла закупка зерна за границей, для чего использовались золотовалютные запасы страны. Удельный вес импорта постоянно возрастал: в 1973 г. было закуплено 13,2% зерна от его производства в СССР, в 1975 – 23,9%, в 1981 г. – 41,4%. Ежегодно на закупку продовольствия тратилось около 300 тонн золота, т.е. практически всё ежегодно добываемое в стране¹².

Горьким признанием неэффективности колхозно-совхозной системы стала информация председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова, представленная в начале 1979 г. Он констатировал, что при хранении пропадает 30 млн тонн зерна, не доходит до покупателя 25% картофеля, 2,5 млн тонн овощей, 300 тонн семян подсолнечника, а все это – почти столько же, сколько страна закупает за рубежом.

Промышленность и проблема противоречий модернизации. Нет нужды говорить о принципиальных отличиях экономики по преимуществу аграрной царской России от индустриального Советского Союза. Отмечу лишь, что исследования последних десятилетий свидетельствуют о «положительных элементах в финансово-экономической политике предвоенных и военных лет» России начала XX в. и связывают революционные события с противоречиями модернизационного процесса¹³. Именно анализ модернизационных процессов начала и конца XX в. заставляет задуматься об их связи с проблемой революции.

Последние десятилетия советского периода характеризовались ростом проблем в экономике. По данным ЦСУ СССР, с начала 1970-х годов неуклонно падала производительность труда, среднегодовые темпы прироста основных показателей экономического и социального развития, ни один из показателей плана 11-й пятилетки (1980–1985 гг.) не был выполнен¹⁴, падали темпы роста экономики (см. табл. 1).

Таблица 1. Среднегодовые темпы прироста основных показателей экономического и социального развития СССР (в процентах)¹⁵

	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
Валовой общественный продукт	7,4	6,3	4,2	3,6
Валовая продукция сельского хозяйства	3,9	2,5	1,7	1,1

Свидетельством неблагополучия в советской экономике стал и доклад, написанный по заданию Политбюро ЦК КПСС и поданный в Совет Министров СССР 11 декабря 1979 г. за подписями высокопоставленных чиновников, включая председателя Госплана Н.К. Байбакова и председателя Госкомитета по науке и технике академика

¹⁰ Подробнее см. *Понов В.П.* Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.). – Социологические исследования, 1995, № 8.

¹¹ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник, с. 214.

¹² См. *Лихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000, с. 332.

¹³ *Петров Ю.А.* Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции. – Российская история, 2017, № 2, с. 4–5; *Миронов Б.Н.* Русская революция 1917 года в контексте теорий революции. – Общественные науки и современность, 2013, № 3.

¹⁴ Центральное статистическое управление СССР. Статистический ежегодник. М., 1986, с. 38, 42, 93.

¹⁵ Центральное статистическое управление СССР. Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986, с. 37.

В.А. Кириллина, об экономическом положении страны и мерах по ее оздоровлению¹⁶. Один из главных выводов, который следовал из этого доклада, — в государственном бюджете не хватает денег. Впервые было заявлено о необходимости расширять кустарно-ремесленные и отхожие промыслы, небольшие ремесленные артели.

Попытки разработать концепцию повышения эффективности экономики СССР и снизить нагрузку на государственный бюджет начались при генеральном секретаре ЦК КПСС Ю.В. Андропове. В 1983 г. в аппарате ЦК был создан Экономический отдел. Его руководителем стал Н.И. Рыжков, бывший директор Уральского завода тяжелого машиностроения в Свердловске, а позже работавший первым заместителем министра тяжелого и транспортного машиностроения СССР и первым заместителем председателя Госплана СССР. По поручению Андропова при Рыжкове сформировалась группа экономистов-практиков, куда вошли первый заместитель председателя Госплана С.А. Ситарян, начальник отдела финансов, себестоимости и цен Госплана В.П. Павлов и ряд сотрудников Министерства финансов.

Руководителем этой группы был назначен Ситарян. «Работа нашей группы открыто не афишировалась... — вспоминал он позже. — Юрий Владимирович (Андропов. — Р.П.) считал, что существующая жесткая система планирования себя исчерпала... Чтобы начать глубокие, серьезные перемены в экономике, необходимо продемонстрировать чиновникам, что кооперация с ее относительной экономической свободой более выгодна по сравнению с государственными предприятиями. В подготовленном нами документе открыто не говорилось о том, что нужна частная собственность, но высказывалась идея наряду с государственной собственностью *начать развитие кооперативной собственности, что уже было серьезной попыткой размыть государственную собственность как единственную форму владения ресурсами в стране* (курсив мой. — Р.П.)»¹⁷.

6 марта 1984 г. начала работу Комиссия Политбюро ЦК КПСС по рассмотрению предложений о направлениях совершенствования управления. Этой комиссии будет принадлежать важнейшая роль в переменах в экономике СССР во второй половине 1980-х годов. 7 июня 1984 г. на заседании комиссии было принято решение о подготовке Постановления Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии форм индивидуальной и коллективной деятельности граждан в сферах производства товаров народного потребления и оказания услуг населению». Так было положено начало разработке Закона об индивидуальной трудовой деятельности. Проект Закона готовил Госплан совместно с Советами Министров РСФСР и Эстонской ССР, с профильными союзными министерствами. В протоколе заседания Госплана от 5 сентября 1984 г. прямо отмечалось: «Учитывая ограниченные возможности выделения дополнительных государственных капиталовложений, трудовых и материальных ресурсов на развитие сферы производства товаров и услуг, на современном этапе все большее значение приобретает создание условий для развития в интересах народного хозяйства гибких форм индивидуальной и коллективной трудовой деятельности граждан»¹⁸.

25 февраля 1985 г. эти предложения были оформлены как Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии форм индивидуальной и коллективной трудовой деятельности граждан в сферах производства товаров народного потребления и оказания услуг населению». А 9 ноября 1986 г. был принят Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности». Он отличался от прежнего постановления Совмина и ЦК КПСС гораздо большей определенностью. Уже в его преамбуле было записано, что «индивидуальная трудовая деятельность в СССР используется для более полного удовлетворения общественных потребностей в товарах

¹⁶ Подробнее см. *Лихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. Новосибирск, 2000, с. 333. Отмечу, что доклад В.А. Кириллина заслуживает специального исследования.

¹⁷ *Ситарян С.А.* Уроки будущего. М., 2010, с. 71–73.

¹⁸ Российский государственный архив экономики, ф. 4372, оп. 67, д. 5507, л. 152–153.

и услугах», что в свою очередь означало, что государство рассматривает частное предпринимательство как законный элемент советской экономики.

Гражданам разрешалось не только использовать собственный инвентарь и сырье, но и получать имущество, оборудование, помещения по договорам с предприятиями, закупать материалы, инструменты и иное имущество в государственной или кооперативной розничной торговой сети и на рынках, а также использовать необходимые им для этой деятельности природные ресурсы с соблюдением установленных правил.

Однако главной экономической новостью стала разработка проекта Закона «О социалистическом предприятии (объединении)», который в процессе доработки превратился в «Закон о государственном предприятии (объединении)»¹⁹.

С 1 января 1987 г. многие министерства и ведомства СССР, крупнейшие объединения и предприятия получили право непосредственного осуществления экспортно-импортных операций. В их структурах могли создаваться хозрасчетные внешнеторговые фирмы. Деятельность этих фирм регулировалась «Положением о хозрасчетной внешнеторговой организации (объединении) министерства, ведомства» и «Типовым положением о хозрасчетной внешнеторговой фирме научно-производственного, производственного объединения, предприятия, организации», принятыми Советом Министров СССР 22 декабря 1986 г.

13 января 1987 г. были приняты Постановление Совета Министров СССР «О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий, международных объединений и организаций СССР и других стран – членов ЭВБ» и Указ Президиума Верховного Совета СССР «О вопросах, связанных с созданием на территории СССР и деятельностью совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран».

Новый «Закон о государственном предприятии (объединении)» делал директора гораздо более самостоятельным, наделял правами, которых прежде не было, освобождал от прямой зависимости от государственного и партийного аппарата.

Устанавливалось, что «предприятие действует на принципах полного хозяйственного расчета и самофинансирования». Невероятным для социалистической реальности СССР звучала норма Закона, согласно которой «предприятие как самостоятельный товаропроизводитель может выступать на рынке ценных бумаг и выпускать для мобилизации дополнительных финансовых ресурсов акции, осуществлять целевые займы». Замечу, что к этому времени не существовало ни одного правового акта, устанавливавшего и регулировавшего рынок ценных бумаг. Предприятие получило право «продавать, обменивать, сдавать в аренду, предоставлять бесплатно во временное пользование либо взаймы здания, сооружения, оборудование, транспортные средства, инвентарь, сырье и другие материальные ценности», т.е. заниматься той деятельностью, которая раньше была уголовно наказуема. Закон вводил поистине революционную норму – фактическую отмену государственной монополии внешней торговли. Предприятиям было разрешено заниматься внешнеэкономической деятельностью «на основе валютной самокупаемости и самофинансирования», вести экспортно-импортные операции, «создавая при необходимости хозрасчетные внешнеторговые фирмы или поручая ведение таких операций другим внешнеторговым организациям на договорной основе». Разрешалось иметь валютные счета, получать «кредит в иностранной валюте для создания и развития экспортных производств с условием погашения кредита за счет валютной выручки от экспорта продукции».

Этот закон давал возможность преобразовывать в государственные корпорации и министерства: они получали в собственность то имущество, которым прежде

---

¹⁹ В источниках, в особенности в стенографических записях выступавших на совещаниях того времени, «Закон о государственном предприятии» нередко именовали «Законом о трудовом коллективе», «Законом о трудовом предприятии». Основанием для такого рода оговорок стало то, что в СССР уже существовал Закон СССР от 17 июня 1983 г. «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями».

управляли. Форма государственной корпорации оказывалась лишь начальной переходной формой к преобразованию в акционерное общество. Этим путем пошли крупнейшие промышленные министерства страны, и первым из них было Министерство газовой промышленности СССР. В.С. Черномырдин, в 1989 г. министр газовой промышленности, вспоминал: «Вошли в правительство с предложением, чтобы нам дали возможность уйти из государственной министерской структуры и перейти на прямую – в хозяйственную. То есть – такую вот мощную министерскую структуру перевести на систему работы по “Закону о предприятии”. А в СССР как раз приняли “Закон о предприятии”»²⁰.

«Закон о государственном предприятии (объединении)» получил полную политическую поддержку на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК. М.С. Горбачев призвал к необходимости радикальной реформы в управлении экономикой, что подразумевало ослабление централизованного планирования, необходимость реформы цен.

Заслуживает специально быть отмеченным то, что Горбачев поставил вопрос о распространении принципа хозрасчета и на союзные республики²¹.

Ответ не заставил себя ждать. 26 сентября 1987 г. в Тарту было опубликована статья четырех эстонских экономистов – С. Калласа, Т. Маде, Э. Сависаара и М. Тийтма, которые настаивали на введении республиканского хозрасчета, передаче республике всех союзных предприятий, находящихся на ее территории, переводе торговых связей с другими республиками на рыночные отношения и возможности выхода Эстонии из рублевой зоны²².

Однако экономические реформы второй половины 1980-х годов не ограничились только внедрением «Закона о государственном предприятии (объединении)». Параллельно с этим шла разработка Закона «О кооперации».

Закон «О кооперации» содержал статью 5-ю, согласно которой «союзы (объединения) кооперативов имеют право создавать хозрасчетные отраслевые или территориальные кооперативные банки... По договору с кооперативом или союзом (объединением), выпускающим ценные бумаги (акции), банк может взять на себя функции по осуществлению операций, связанных с их продажей, возвратом и выплатой доходов на эти ценные бумаги (акции)».

Появление коммерческих банков стремительно изменило финансовую ситуацию в стране. Можно сказать, изменилось всё. Предприятия и преобразованные в концерны министерства получили возможность переводить свои деньги в коммерческие банки, а их число росло и росло. Если на 1 января 1989 г. таких банков было 41, на 1 июля 1989 г. – 143, в том числе 54 кооперативных, то к середине 1991 г. их оказалось более 1,5 тыс.²³

Создание коммерческих банков стало качественно новым явлением, противоречившим старой, планово-распределительной финансовой системе. Одновременно с этим происходило разрушение другой составляющей советской финансовой системы – ее централизма. Возникли республиканские банки в союзных республиках, позже – в автономиях, и они не без успеха пытались проводить политику, независимую от Центробанка СССР.

Был пересмотрен прежний «Закон о государственном предприятии (объединении)». Его сменил Закон СССР «О предприятиях в СССР» 1990 г., который предоставлял больше прав собственникам предприятия (государству или коллективным

---

²⁰ Цит. по: http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%93%D0%B0%D0%B7%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B0

²¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25–26 июня. 1987 г. М., 1987.

²² Подробнее см. *Островский А.В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011.

²³ *Кирсанов Р.Г.* Перестройка. «Новое мышление» в банковской системе СССР. М., 2011, с. 231.

собственникам). Втихаря, без обсуждения в Верховном Совете СССР Постановлением Совета Министров РСФСР от 25 декабря 1990 г. было принято «Положение об акционерных обществах».

Экономическая модернизация позднего СССР не только подрывала основы советской планово-распределительной системы. Прежняя номенклатурная вертикаль рушилась на глазах. Место председателя совета директоров банка оказывалось и доходнее, и спокойнее поста секретаря райкома КПСС.

Изменения демографических характеристик населения. Образовательный уровень населения страны за XX в. радикально изменился. По данным переписи 1897 г. в Европейской России грамотными были 21,1%²⁴. К концу 1980-х годов практически 100% населения СССР умели читать и писать. На 1000 человек населения страны старше 15 лет 125 имели высшее или незаконченное высшее образование, 182 – среднее специальное²⁵. Общая численность обучавшихся составляла в 1989 г. свыше 105 млн человек²⁶. Население постарело. Если в 1913 г. 64,5% жителей страны были моложе 30 лет, то в 1989 г. – только 44,3%²⁷. Изменилась роль женщин в обществе. К 1980-м годам женщины составляли немногим более 50% занятых в общественном производстве, имели в среднем несколько более высокий образовательный уровень, чем мужчины, преобладали в сферах образования и здравоохранения. Все это не могло не сказаться на социально-психологических особенностях участников революционных событий.

Идеологический характер советской государственности. И, пожалуй, главное отличие. Советская государственность представлялась *orbis et urbis* – как машина достижения коммунистического строя сначала в одной стране – СССР, а затем и во всем мире. Отказ от практики мировой революции вовсе не означал отказа от идеи неизбежного торжества коммунизма во всем мире в теории. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть Конституции страны вплоть до последней – 1977 г. Следствием такой установки стала, во-первых, беспрецедентная в мировой юриспруденции конструкция советской власти, которая, по словам Ленина, представляет «новую форму, вернее, новый *тип государства*». Советы, по его мнению, были органом непосредственной демократии в условиях диктатуры пролетариата. Новый государственный аппарат, писал он, «дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию, и исполнение законов»²⁸.

Во-вторых, управляемость государства в условиях намеренно спутанных функций исполнительной и представительной властей при декларативном сохранении принципа «Вся власть Советам!» ограничивалась реальной властью аппарата коммунистической партии, связывавшего тугими нитями номенклатуры весь аппарат управления – снизу доверху. КПСС была поистине массовой партией, насчитывавшей в своих рядах на 1 января 1990 г. 19 млн 228 тыс. коммунистов, состоявших на учете в 443 тыс. первичных партийных организациях по всей стране²⁹.

В-третьих, вследствие своей прозелитской функции, декларируемого утверждения об универсальности коммунистической идеи собственно национальная природа

²⁴ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник, с. 327.

²⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года, т. II. Алматы, 1992, с. 183–184; т. VII. Национальный состав населения. Часть 5. Minneapolis: Статкомитет СНГ, East View Publications, 1993, с. 6–59.

²⁶ Народное образование и культура в СССР. Статистический сборник. Госкомстат СССР. М., 1989, с. 3.

²⁷ Пересчитано по: gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo14.xls; Статистический ежегодник России. 1913 г. СПб., 1914.

²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 304–305, а также см.: с. 307, 316, 553; т. 36, с. 196; т. 37, с. 500.

²⁹ Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. М., 1990, с. 5, 15.

государства успешно (?) заменялась уверениями в интернациональном братстве более 100 народов, живущих в СССР, и формировании нового советского человека.

Определив объект исследования – Россию, сохранявшую элементы преемственности и изменчивости на протяжении XX в., перейдем к главному – выявлению специфики общего и особенного в революциях начала и конца XX в. в России, справедливо полагая, что революция – это не явление, а процесс³⁰.

Не откажу себе в удовольствии снова процитировать участника революции 1917 г., ставшего основателем целой школы исследователей феномена революций – П.А. Сорокина, писавшего, что «ошибка многих теоретиков “повторения” состояла лишь в том, что они искали “повторений” не там, где их следует искать. Они даны не в сложных и грандиозных событиях истории, а в явлениях элементарных, будничных, из комбинаций которых слагаются и на которые разлагаются эти события. При таком подходе непрерывное творчество истории становится не столь уж бесконечно разнообразным... Подобно “исписавшемуся писателю” история, при всем своем творческом богатстве, невольно “повторяется”»³¹.

Бунт покупателей. В конце 1980-х годов в жизни крупнейших центров России появилось невиданное прежде явление: изголодавшиеся по табаку, водке, а потом и по более необходимым продуктам питания – от хлеба до молока – граждане стали перекрывать центральные улицы крупнейших промышленных городов страны – Перми, Свердловска, Челябинска, Ленинграда. В магазинах пропали стиральные порошки, зубная паста, табак, соль, спички³².

Планово-государственное обеспечение населения продуктами питания и товарами народного потребления, создававшее дефицит как постоянную характеристику советской действительности, к концу 1980-х годов стало восприниматься гражданами страны как нетерпимое. Аппарат ЦК КПСС констатировал: «Неуверенность в стабильности потребительского рынка привела к расширению круга дефицитных товаров. Так, из 1101 ассортиментной группы товаров народного потребления, по которым в 1989 г. велось наблюдение, дефицитными были 1044, в том числе из 221 продукта питания – 211, из 493 тканей и предметов гардероба – 465, из 387 товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения – 368»³³.

Социологическая группа ЦК КПСС, изучавшая в сентябре 1989 г. мнения населения о проблемах, вызывающих наибольшее беспокойство и неудовлетворенность³⁴, установила, что недовольство плохим обеспечением продуктами питания высказали 83,4% жителей городов страны. Для сравнения: в 1985 г. недовольными считали себя 58,8% горожан³⁵.

Политические последствия такого положения сформулировал, выступая на Политбюро, первый секретарь Ленинградского обкома партии Б.В. Гидаспов: «Я утром еду на работу, смотрю на хвосты в сто, тысячу человек. И думаю: вот трахнет кто-нибудь по витрине – и в Ленинграде начнется контрреволюция. И мы не спасем страну»³⁶.

Гидаспов был во многом прав. Пустяковая автомобильная авария в Чернигове 6 января 1990 г., когда в результате ДТП открылся багажник обкомовской «волги» и граждане увидели там дефицитные продукты – коньяк, сырокопченую колбасу,

³⁰ Петров Ю.А. Указ. соч., с. 5.

³¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992, с. 27–28.

³² См., например: Московская правда, 31.X.1990.

³³ Материалы делегату XXVIII съезда КПСС, с. 201.

³⁴ Именно так – «Мнения населения о проблемах, вызывающих наибольшее беспокойство и неудовлетворенность» – была сформулирована цель исследования.

³⁵ Количество недовольных продовольственным снабжением в селах в 1989 г. было ненамного меньше – 78,7%.

³⁶ Цит. по: Пихоя Р.Г. Советский Союз. История власти. 1945–1991. М., 1998, с. 608. Примечательно, что первый секретарь «родины Октября» использует терминологию, бывшую в употреблении в январе – феврале 1917 г.: «хвосты» – очереди за продуктами.

окорок, привела к массовым беспорядкам и митингам, на которые собирались до 10 тыс. человек, что для сравнительно небольшого города было огромным количеством. ЦК поторопился отправить в отставку первого секретаря Черниговского обкома Л.И. Палажченко, но было поздно – беспорядки приобрели политический характер и стали мощным стимулом для развития антикоммунистического движения «Рух».

Централизованная власть порождала и персональную ответственность, в данном случае – руководства КПСС. Ловушка для власти – это кажущаяся массовая поддержка гражданами руководства страны. До поры, до времени они исправно – 99% – голосовали за «единый блок коммунистов и беспартийных», славилы власть на организованных ею же самой собраниях. Но «отдельные недоработки» и «временные трудности», на первый взгляд, не имеющие отношения к политике, превращались в недоверие к власти, а не выполненные руководством страны обязательства приводили к тому, что народ переставал считать действующую политическую власть своих вождей властью законной.

«Хлебные бунты» начала 1917 г. стоят в одном ряду с «табачными», «водочными» и «колбасными» 1989–1990 гг. Последние – не повод для иронии. Это механизм отторжения жителей страны (именно так!) от действующей власти.

Партия торжественно провозглашала: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме! Советское государство было государством идеологически организованным. Как уже отмечалось, главной задачей Советского Союза объявлялось строительство коммунизма в отдельно взятой стране, а затем и во всем мире. Идея прогрессивного развития, унаследованная марксистами, сведенная до примитивной формулы «индустриализация, коллективизация, культурная революция плюс электрификация всей страны», должна была привести к тому, что, согласно положению Программы КПСС, «СССР будет располагать невиданными по своему могуществу производительными силами, превысит технический уровень наиболее развитых стран и займет первое место в мире по производству продукции на душу населения. Это послужит основой постепенного преобразования социалистических общественных отношений в коммунистические, такого развития производства, которое позволит удовлетворять в изобилии потребности общества и всех его граждан».

Эта политическая риторика начала 1960-х годов встречала немалую поддержку в советском обществе. В 1950-е годы в основном были преодолены последствия войны, к середине 50-х улучшилось продовольственное снабжение населения, огромное впечатление произвели научные достижения: реактивный самолет Ту-104, запуск искусственного спутника, который имел потрясающий эффект, победа в космической гонке с США. Сильным впечатлением оказался и Московский фестиваль молодежи и студентов. Ощущение социального оптимизма совпадало с обещаниями власти.

Необходимо добавить, что руководство КПСС расписало в своей программе, принятой на XXII съезде, движение к достижению материальной базы коммунизма, с точностью железнодорожного расписания сообщавшего, какие «высоты» будут взяты за 20 лет – этот срок отделял советский народ от светлого коммунистического будущего. А пока вся система воспитания и образования – от начальной школы до университетов, академий и консерваторий – должна была вдалбливать это расписание на кафедрах истории КПСС, научного коммунизма, политэкономии социализма.

Годы шли, а коммунизм не приближался. Исчезла надежда на светлое будущее, являвшаяся важной частью политической доктрины советской системы, частью традиционных социально-утопических представлений. Навязчивая пропаганда «преимуществ социализма» провоцировала сравнения и сопоставления. Если прежде «отдельные недостатки» успешно объяснялись последствиями войны и «империалистическим окружением», то для послевоенного поколения старые аргументы утрачивали силу, рождали все новые вопросы и сопоставления. Между тем пропаганда «коммунистического образования» с последовательной бессмысленностью продолжала повторять то, что было записано в 1961 г. Социальный оптимизм вытеснялся политическим цинизмом. «Обещали коммунизм, а организовали Олимпиаду», – злословили в 1980-м.

Что, кроме раздражения, мог вызывать лозунг, объявленный на XXVII съезде КПСС, — догнать в 2000 г. Соединенные Штаты по уровню промышленного производства³⁷.

Никакие диссиденты оптом, вместе с «Радио Свобода» и «Голосом Америки», не смогли бы нанести больший урон идеологически организованному государству, чем это делали официальные пропагандисты. Официальная пропаганда доходила до каждого гражданина, и она смогла дискредитировать идеи коммунизма для значительной части населения, лишив власть моральной поддержки.

В политике нет ничего страшнее несбывшихся ожиданий. Крушение надежд заканчивается разочарованием и отторжением прежних символов веры. На смену надеждам на светлое будущее пришли рассказы о «потерянном рае» прошлого, свидетельством чему стало появление писателей-деревенщиков. И в то же время рос интерес к Западу, лучшим способом агитации становились джинсы и пластинки, кинофильмы, модные публикации в «Иностранке».

Гудбай, Америка, о-о-о,
Где не был никогда,
Прощай навсегда.
Возьми банджо, сыграй мне на прощанье.
Мне стали слишком малы
Твои тертые джинсы.
Нас так долго учили
Любить твои запретные плоды... —

пел знаменитый в конце 1980-х годов ансамбль «Наутилус помпилиус».

В общественном мнении встречались, с одной стороны, иллюзорные представления о счастливом прошлом, «нормальном пути» развития России, перечеркнутым революцией 1917 г., а с другой — не менее иллюзорные представления о Западе, Америке, «где не был никогда». Пока эти представления не противоречили друг другу. Они были едины, являясь интеллектуальным побегом из коммунистического мировоззрения.

Слухи ходят по домам. Исследователями революции 1917 г. подробно изучено влияние слухов, бытовавших в стране³⁸, на падение авторитета самодержца, эффект «чужого правительства», как писал В.П. Булдаков, возникновение народной молвы о шпионах немцах, евреях, об измене офицеров и генералов с нерусскими фамилиями и, наконец, о Распутине и «царице-немке». Отмечу, что ряд слухов запускали сами государственные органы. В частности, для того чтобы оправдать неудачи в антинемецкой кампании 1914—1915 гг., были придуманы шпионские истории, якобы связанные с именами подполковника С.Н. Мясоедова и министра В.А. Сухомлинова³⁹. Запускавшиеся с благой целью укрепления режима, подобные рассказы постепенно начинали жить своей отдельной жизнью, воздействуя на публику совсем не так, как планировалось. Они порождали думские антиправительственные эскапады П.Н. Милокова, солдатскую убежденность, что все генералы русской армии с нерусскими фамилиями — предатели. В обществе и армии распространялась молва о том, что царица и Распутин будто бы передают немцам сведения о планах русских войск. Все это разрушало не только доверие к власти, но и основы ее легитимности⁴⁰.

Похожие процессы происходили и в позднем СССР. В ходе борьбы за власть, за пост генерального секретаря ЦК КПСС с явной подачи КГБ СССР поползли слухи

³⁷ *Воротников В.И.* А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995, с. 66—67.

³⁸ *Колоницкий Б.И.* К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны). — Историк и революция. СПб., 1999; *Аксенов В.Б.* Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914—1917 гг.: архетипы, слухи, интерпретации. — Российская история, 2012, № 4.

³⁹ *Шацилло К.Ф.* «Дело» полковника Мясоедова. — Вопросы истории, 1967, № 2.

⁴⁰ *Аксенов В.Б.* Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца». — Российская история, 2017, № 2.

о коррупции в ближайшем окружении тогдашнего генсека Л.И. Брежнева. По всей стране рассказывали истории о любовниках Галины Брежневой, о краденых бриллиантах⁴¹. В это же время появились сведения о бегстве за границу сына члена Политбюро, долгие годы бывшего вторым секретарем ЦК КПСС А.П. Кириленко, о банкетах, якобы устроенных в Эрмитаже первым секретарем Ленинградского обкома Г.В. Романовым.

Новый генеральный секретарь Ю.В. Андропов, как и его наследники К.У. Черненко и М.С. Горбачев, санкционировали публикацию материалов негативного характера о хозяйственных преступлениях⁴². Пресса с удовольствием стала печатать, а читатели с интересом читать истории о связях преступников в торговле и промышленности с их покровителями в органах государственной власти и — о, ужас! — с партийными руководителями высокого ранга. Началось следствие против первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС С.Ф. Медунова, министра внутренних дел СССР Н.А. Щелокова, замминистра МВД Ю.М. Чурбанова, зятя Брежнева. В республиках Средней Азии было инициировано так называемое «хлопковое дело», в ходе которого были арестованы около 800 представителей партийного, государственного и хозяйственного руководства.

Ирония судьбы — в СССР в 1986—1991 гг. едва ли не самым популярным был итальянский четырехсерийный телефильм «Спрут» с главным героем, полицейским комиссаром Коррадо Каттани, вступившим в смертельную борьбу с мафией — от бандитов до высших государственных чиновников.

«Мафия» — так по итальянскому образу и подобию значительная часть советских граждан стала определять природу власти в СССР. «Хлопковое дело», затеянное Андроповым и его преемниками, вышло из-под контроля Генпрокуратуры. Руководители следственной группы по этому делу превратились в политические фигуры. Прокуроры Т.Х. Гдлян и Н.В. Иванов настаивали на том, что главные взяточники — не в Узбекистане, а в Москве, предлагали переименовать «хлопковое дело» в «кремлевское дело». Даже сам М.С. Горбачев опасался, что может оказаться объектом обвинений в коррупции в период своей деятельности в качестве первого секретаря Ставропольского крайкома! Попытки уgomонить Гдlyана и Иванова успеха не имели. Они стали важными критиками власти в СССР и пользовались громадной поддержкой населения.

Оставляю в стороне правомерность их юридической позиции. Мы говорим о слухах. А их результатом стало то, что в политическом остатке оказалась утрата морального права на власть руководством страны. Не могу не согласиться с мнением В.П. Булдакова, что «империя — не просто власть, но и общее информационное пространство. Если оно рухнет, если доверие к правительству исчезло, дни императора сочтены»⁴³.

Таким образом, свои Распутины были и в позднем СССР.

То, чего не было в царской России. «Разогнать эту номенклатуру», или Трещины в пирамиде власти. Основой управления в СССР, как уже отмечалось выше, была номенклатура. Уровни номенклатуры — от Политбюро и Секретариата ЦК до обкомов и райкомов КПСС — охватывали все сколько-нибудь значимые должности — от министров и командующих военными округами, редакторов газет и журналов до директоров школ и председателей колхозов, руководства Союза художников и Общества слепых. Партийные органы отбирали кадры, рассматривали, утверждали или не утверждали их.

⁴¹ Подробнее см. Соловьев В., Клепикова Е. Юрий Андропов: тайный ход в Кремль. М., 1994, с. 248—250.

⁴² См, в частности: Российский государственный архив новейшей истории, Выписка из протокола № 133 заседания Секретариата ЦК КПСС от 23 ноября 1983 г. «О публикации в советской печати сообщения о результатах рассмотрения Верховным судом РСФСР уголовного дела на крупных взяточников из числа работников торгового предприятия «Гастроном» Главного управления торговли Мосгорисполкома».

⁴³ Булдаков В.П. Этнос и хаос. Этнические конфликты в России. 1917—1918. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010, с. 146.

Но что происходило в самом аппарате КПСС в конце 80-х годов? Обратимся к статистике.

С 1986 по 1989 г. сменилось 82,2% секретарей райкомов, окружкомов и горкомов, составлявших поистине основу, фундамент партийного аппарата. В аппаратах тех же райкомов, горкомов, окружкомов за указанный период времени поменялись 123,1% заведующих отделами. На 90,8% обновился состав секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик⁴⁴.

Не трудно заметить, как зашаталась, утратила стабильность номенклатурная основа власти. «Разогнать эту номенклатуру!», – призывал на одном из заседаний Политбюро М.С. Горбачев. Однако, как гласит русская пословица, «не руби сук, на котором сидишь».

«О некоторых приемах, с помощью которых правительство довершило революционное просвещение народа». Так А. Токвиль, мудрый исследователь Французской революции, назвал одну из глав своей книги, что как нельзя кстати относится и к деятельности руководства СССР в конце 1980-х годов.

М.С. Горбачеву и его близким соратникам – А.И. Лукьянову и А.Н. Яковлеву – принадлежала идея создания своего рода «новой легитимности» для власти, которую олицетворял бы аппарат ЦК КПСС и его номенклатура. Эта цель должна была быть достигнута за счет расширения избирательных прав граждан. Предполагалось, что секретари обкомов и крайкомов будут избираться руководителями местных Советов. Заодно это очистило бы номенклатуру от наиболее одиозных и недееспособных представителей. Высшее звено руководства страны избиралось в новый (хотя и именованный возрожденным) высший орган управления страной – Съезд народных депутатов СССР. Из рук Съезда должны были быть получены высшие государственные должности, и прежде всего новоучрежденный пост президента страны.

Для того чтобы вся эта операция прошла успешно и «советский парламентаризм» не поколебал политических устоев СССР, решающая роль отводилась партии. Дисциплинированная, управляемая сверху, располагавшая всеми средствами массовой информации в стране, а кроме того, широким спектром репрессий против своих строптивых членов, она должна была гарантировать успех на выборах.

Но не тут-то было. После перетряски 1980-х годов номенклатура уже не спешила выполнять решения ЦК КПСС. Выяснилась, что у 19 млн коммунистов в 400 тыс. первичных партийных организаций есть свои профессиональные, сословные, национальные, политические и иные интересы, отличные от интересов «кремлевских сидельцев». В течение трех-четырёх лет – с 1987 по 1991 г. – КПСС превратилась в сословно-представительную организацию, расколовшись на множество отдельных политических фракций, отражавших конкретные интересы профессиональных и сословных групп. Провал планов реформирования политической системы стал очевиден уже на XIX Всесоюзной партийной конференции, когда впервые со времен X съезда партии в ней возникла реальная фракционность.

Однако еще важнее другое: *альтернативность* выборов дала неслыханный со времен 1917 г. результат – *легализацию оппозиции*. Все оппозиционеры разных мастей и оттенков объединялись по принципу «против кого дружим». «Дружили» против руководства КПСС, попутно снося и саму КПСС⁴⁵.

⁴⁴ Материалы делегату XXУШ съезда КПСС, с. 18.

⁴⁵ Примером тому служит политический «Ноев ковчег» – Межрегиональная депутатская группа, образованная на первом Съезде народных депутатов СССР, куда вошли и диссиденты с большим стажем, например, академик А.Д. Сахаров, и недовольные представители различных уровней номенклатуры: Б.Н. Ельцин, ректор Московской высшей партийной школы В.Н. Шостаковский, экономисты-рыночники Г.Х. Попов, А.М. Емельянов, сторонники радикального изменения национального устройства СССР, вроде депутата от Эстонии В.А. Пальма, монархисты, социал-демократы, анархисты и иже с ними.

Непосредственным результатом политической реформы, выборов Съезда народных депутатов СССР и Съездов союзных республик стала подготовка к оформлению выхода из СССР.

Воистину прав был все тот же Токвиль, писавший, что «самый опасный момент для плохого правительства наступает тогда, когда оно начинает меняться, когда оно начинает реформироваться».

Непартийные революции. Россия к 1917 г. имела партийные структуры, своих теоретиков, больший или меньший опыт парламентской деятельности в составе Государственной думы⁴⁶. Партии для России были явлением относительно новым. В отличие от Западной Европы процесс создания партий в России приходится на сравнительно более позднее время – конец XIX – начало XX в.⁴⁷, легализовавшись, и то отчасти, только после манифеста Николая II от 17 октября 1905 г. Однако в условиях самодержавной власти эти партии разной степени оппозиционности были одинаково неприемлемы для власти. В том числе и те, которые, казалось бы, были ближе всего к защите империи – черносотенцы с В.Н. Пуришкевичем и Н.Е. Марковым⁴⁸. Партии не укоренились в повседневной политической практике и практически все оказались не готовыми к революционным событиям 1917 г.

В бурном потоке событий весны – лета 1917 г. утрачивали способность бороться за власть те партии, которые пытались сохранять свои идейные установки⁴⁹. Это касалось меньшевиков с их социалистическими программными задачами, отказывавшихся участвовать в правительстве в первые дни марта, так как они считали, что это правительство должно было быть буржуазным, но России еще только предстоит стать буржуазной страной; кадетов, решительно настаивавших на продолжении войны; эсеров, провозглашавших права крестьян на землю, но не решавшихся реализовать крестьянские наказания без санкции будущего Учредительного собрания⁵⁰. В этом отношении меньшим догматиком оказался лидер большевиков Ленин: следуя за событиями, он с легкостью менял политические лозунги.

Особое место в партийном строительстве заняли многочисленные национальные партии, чье влияние распространялось преимущественно на национальные окраины страны⁵¹. Их история – это история стремления обосновать и организовать выход этих национальных окраин из Российской империи.

С уверенностью можно сказать, что в конце 1980-х – начале 1990-х годов политические партии не имели никакого сколько-нибудь серьезного влияния на события в стране. Бесспорным исключением была КПСС. Но она не являлась партией в полном смысле слова.

Свидетельством утраты надежды на КПСС – не только как на идеологическую партию, но и как на условие включения в управленческие структуры – явилось резкое снижение приема в партию. Если за 1981–1985 гг. (между XXVI и XXVII съездами) кандидатами и членами КПСС стали 3 305 956 человек, то за 1986–1989 гг. (между XXVII и XXVIII съездами) – 2 000 614⁵².

---

⁴⁶ Анархисты: документы и материалы. Сост., авт. предисл., введения и коммент. В.В. Кривенький, отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1998; Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы, 1917–1925 гг., в 3 т. М., 2000–2015; *Тютюкин С.В.* Меншевиизм: страницы истории. М., 2002; *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015; *его же.* Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (Историко-графические итоги и исследовательские процессы). – Российская история, 2017, № 2; и др.

⁴⁷ Политические партии России: история и современность. М., 2000, с. 69–83.

⁴⁸ *Иванов А.* «Черная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. – Российская история, 2017, № 2.

⁴⁹ *Тютюкин С.В.* Указ. соч., с. 325–327.

⁵⁰ Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы, 1917–1925 гг., в 3 т.

⁵¹ Политические партии России: история и современность, с. 83.

⁵² Материалы делегату XXVIII съезда КПСС, с. 17.

К этому времени ясно обозначилось противостояние аппарата КПСС — по сути, важнейшей системы государственного управления — и 19 млн членов КПСС. При первой возможности внутри партии стали формироваться политические направления, движения, не укладывавшиеся в классические партийные формы и серьезно отличавшиеся по своим политическим целям и задачам. Они возникали на базе дискуссионных клубов, трибун, семинаров, созданных в атмосфере «гласности» и «перестройки» во второй половине 1980-х годов. После XIX Всесоюзной партийной конференции внутри КПСС выделились три направления. Прежде всего это была «Демократическая платформа в КПСС», призывавшая к переходу компартии на социал-демократические позиции. Ей противостояло «фундаменталистское» крыло защитников сталинского варианта социализма. Третье, центристское, направление выражал М.С. Горбачев, провозглашавший свою приверженность к «гуманному, демократическому социализму».

В политической жизни все было проще. Была КПСС, отождествляемая с аппаратом партии, и массовое политическое движение «Демократическая Россия». Именно движение, а не партия, то, что позже станут называть «сетевой структурой». Она была последовательным оппонентом аппарату КПСС.

Членство в КПСС уже перестало быть «политическим маркером». 22 марта 1990 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС при подведении итогов выборов на Съезд народных депутатов РСФСР выяснилось, что 86% избранных — коммунисты. Однако тут же было замечено, что значительная их часть — сторонники «Демократической России»⁵³.

Созданные в конце 1980-х — в 1990 г. партии — Демократический союз, ЛДПР СССР, как и образованные в 1990 г. Коммунистическая партия РСФСР, Демократическая партия России, Социал-демократическая партия России, Республиканская партия Российской Федерации, по сути, не смогли стать сколько-нибудь влиятельными участниками политического процесса. Партии шли *вслед* за событиями, а никак не направляли их. Едва ли будет ошибкой считать, что актором процессов политических перемен явилась не партия (или партии), а движение «Демократическая Россия», единственным ясно сформулированным принципом которой было свержение существовавшего политического и экономического строя. Это движение не имело оформленной политической структуры. Его лидеры — Г.Х. Попов, Н.И. Травкин, Б.Н. Ельцин, С.Б. Станкевич, Ю.Н. Афанасьев — имели существенно разные взгляды. Отсутствие конкретики и абстрактность лозунгов «Долой КПСС!», «За рыночные реформы!», «Вся власть Советам!» своей неопределенностью и радикальностью вполне сопоставимы с лозунгами Октября 1917 г.

Иное положение создалось в союзных республиках. Секретарь ЦК КПСС В.А. Ивашко, оценивая итоги выборов на Украине, отметил, что антикоммунистическая группа среди депутатов Украины составляет примерно 25%. По его словам, на будущем Съезде народных депутатов Украины «будут подниматься вопросы немедленного выхода из СССР. Мы уже знаем, чем они занимаются... Я думаю, что в ближайшее время на Украине будет целая куча партий или так называемых партий... Мы не собираемся бороться против создания партий. Мы убедились в том, что это ни к чему, кроме укрепления их авторитета, сейчас не ведет. Мы за то, чтобы их у нас было как можно больше»⁵⁴.

В дальнейшем именно большинство руководителей республиканских организаций КПСС (на Украине — Л.М. Кравчук, в Казахстане — Н.А. Назарбаев, в Литве — А. Бразаускас, в Узбекистане — И.А. Каримов), как и их коллеги в других республиках, подхватили сепаратистские лозунги и «переформатировали» свои организации в национальные партии, главным требованием которых стало создание самостоятельных государств.

⁵³ Архив Президента Российской Федерации, Рабочая запись заседания Политбюро, 22 марта 1990 г.

⁵⁴ Там же.

И здесь трудно не заметить аналогию — события в России оказывались катализатором для автономистского движения на окраинах.

О месте насилия в революции конца 1980-х — начала 1990-х годов. «Общим местом» в оценке современников и исследователей революции 1917 г. были указания на насилие, ставшее неотъемлемой частью революционных событий, переросших в гражданскую войну. Научное исследование феномена насилия в революции было предпринято П.А. Сорокиным⁵⁵ и в настоящее время продолжено В.П. Булдаковым⁵⁶.

П.А. Сорокин предложил учитывать биологические факторы, поведенческие особенности участников революционных событий, такие, как подавление базовых человеческих инстинктов — пищевого, собственногоического, самосохранения, полового и др.⁵⁷ Мировая война повлекла за собой изменение демографической структуры населения, понижение ценности человеческой жизни, «отрицательный отбор», когда в войну гибли лучшие. Россия по своим демографическим характеристикам была страной с высоким удельным весом молодежи в структуре населения, к тому же миллионы молодых мужчин были вооружены, что провоцировало насилие в стране. Насилие, которое превратилось в гражданскую войну. По мнению В.П. Булдакова, имперское устройство страны по природе своей архаично, «что предполагает наличие реликтовых форм самоорганизации»⁵⁸. Он полагает, что существует «относительная неизменность психоментальных реакций Homo rossicus», составной частью которых является «психоз смуты»⁵⁹.

Рассматривая события конца 1980-х, отмечу прежде всего то, что возрастная структура населения России к концу века изменилась. Население постарело. Если в 1917 г. события в стране определяли 20–30-летние, то в конце 1980-х — 30–40-летние. Это были преимущественно состоявшиеся люди, имевшие высокий уровень образования. Условно говоря, революция конца 1980-х была «революцией инженеров». Отмечу также активное вовлечение женщин в политическую борьбу конца 1980-х — начала 1990-х годов (кстати, эта тема тоже остается недостаточно исследованной).

Заслуживает изучения и *роль армии в событиях конца 1980-х — начала 1990-х годов.* Армия только что вышла из афганской войны. Вышла организованно. При неясности политических задач, которые советское руководство ставило перед военными⁶⁰, они свою задачу выполнили. Однако на родине им пришлось столкнуться с тем, что афганская война была войной «там», «чужой войной». Военных не могло не задевать отношение власти — начиная с местных органов соцзащиты, где вернувшимся с войны инвалидам могли сказать: «Мы вас туда не посылали», до критики на Съезде народных депутатов СССР. Руководство КПСС, принимавшее решение о вводе войск в Афганистан, отмежевывалось от ответственности, сваливало ее на уже умерших вождей КПСС. Потом руководство КПСС уверяло, что неизвестно, кто отдал приказ о разгоне демонстрации в Тбилиси 9 апреля 1989 г., в Вильнюсе в январе 1991 г. Офицерский корпус утрачивал доверие к власти, справедливо опасался «оказаться крайним» в политической борьбе, что ясно обозначилось во время августовского путча 1991 г. Армия устранилась от участия в политической борьбе, не допустила принятия «приказа № 1», сохранила управляемость.

⁵⁵ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество, с. 266–296.

⁵⁶ Булдаков В.П. Революция, насилие и архаизация массового сознания в гражданской войне: провинциальная специфика. — Альманах «Белая гвардия», № 6; *его же.* Антибольшевистское повстанческое движение. М., 2002, с. 4–11; *его же.* Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. М., 2007; *его же.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010; *его же.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М., 2012.

⁵⁷ Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003.

⁵⁸ Булдаков В.П. Quo vadis?..., с. 75–76; *его же.* Этнос и хаос..., с. 12.

⁵⁹ Булдаков В.П. Quo vadis?..., с. 76–77.

⁶⁰ Подробнее см. Христоворов В.С. Афганистан. Правящая партия и армия (1978–1989). М., 2009.

Все эти обстоятельства определили отсутствие фактора насилия в ходе событий конца 1980-х — начала 1990-х годов. Добавлю, что страшный образ гражданской войны являлся живой частью исторической памяти населения. Это был «пределный ограничитель» в политической борьбе для всех ее участников, особенно ясно проявившийся в событиях 19–22 августа 1991 г.

Вооруженные конфликты возникали только на окраинах СССР, там, где ослабление центральной власти выпускало на поверхность застарелые этнические конфликты, имевшие, как правило, историю, уходящую в далекое прошлое. На рубеже 1980–1990-х годов был сохранен ряд институтов государства, и прежде всего правоохранительные органы, что исключило возможность «легального насилия», свойственного началу революции 1917 г. Все это заставляет усомниться в справедливости вывода о психологической склонности Homo rossicus к смуте.

О возникновении революции, государственной власти и пределах ее возможностей. Анализ общего и особенного двух революций в России — начала и конца века — вынуждает специально остановиться на вопросе о месте государственной власти в этих радикальных переменах. Отмечу, что государственная власть не тождественна государству. Это всегда переменная величина в его политическом устройстве. В сущности, государство сохраняется после революции. Меняется власть. Чем более развито общество, тем сложнее система государственной власти. Неизбежная плата за это — создание бюрократического аппарата⁶¹. Государственная власть самодостаточна, внутренне замкнута, если в стране нет развитой и укорененной в традиции системы представительной власти. Однако любая власть сталкивается с пределами своих возможностей. Никогда государственная власть не была и не может быть всеобъемлющей. Она замкнута, «очерчена», она вовсе не располагает универсальными способами управления всей страной. В условиях кризиса и тем более революции ограниченность ресурсов власти становится очевидной. Многое остается вне зоны ее управления. Главное — всегда существует классическое противоречие между управленческой элитой и контрэлитами, критикующими власть и претендующими на власть. Эта тема основательно исследована историками и политологами⁶². Любая государственная власть на любом этапе своей истории будет стараться доказать, что именно она представляет интересы всего государства и общества. С того момента, когда в обществе нарастает убеждение, что эта власть, эта политическая организация не выполняет насущных задач государства и общества, эта власть по меньшей мере окажется в глубоком кризисе.

Накануне 1917 г. не управляемыми властью оказывались и недовольные в ближайшем окружении царя, и думские фракции, и общественные инициативы, вроде военно-промышленных комитетов. Практически утраченным было управление в деревне в 1917 г., а затем и в армии.

Советский Союз, который многие историки определяют как тоталитарное государство, казалось бы, должен был стать образцом всеобъемлющего государственного управления. Но и здесь из-под сферы управления вышло общественное сознание: с официальной идеологией абсолютное большинство не спорило, но ее ценности были просто отринуты людьми. Вне зоны контроля центра оказывалась внутренняя жизнь в союзных республиках. Это, кстати, до поры до времени обеспечивало лояльность местных элит. Попытки «навести порядок» по образцу «хлопкового дела» в республиках Средней Азии или угрозы смены руководства в Казахстане в конце 1986 г. только отталкивали местные элиты от центральной власти, а события вокруг Нагорного Карабаха и вообще означали неспособность управлять национальными процессами. Уходила из сферы государственного управления плановая экономика — то, что всегда считалось «знаменем» советской системы управления.

⁶¹ Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994, с. 111–114.

⁶² См., в частности: Гаман-Голутвина О.В. Бюрократия Российской империи. М., 1997; *ее же*. Взаимодействие политических и экономических элит России: историческая ретроспектива и современное состояние. — Россия в условиях трансформаций, вып. 10. М., 2001.

С появлением кооперативного сектора в экономике и в особенности кооперативных банков эта плановая система фактически прекратила свое существование. Даже внутри КПСС, прежде спаянной номенклатурным управлением, местные партийные организации занимали совершенно разные позиции — от отстаивания нерушимости принципов марксизма-ленинизма до поддержки идей социал-демократии, от яростной приверженности нерушимости СССР до требования независимости и восстановления досоветской государственности. Единственное, что их объединяло, так это критика генерального секретаря ЦК КПСС вместе с Политбюро.

Революции в России свидетельствуют о том, что государственная власть рушилась не вследствие заговоров, иностранного вмешательства, военных поражений или массовых народных восстаний. Революции происходили тогда, когда эта власть, старая власть, оказывалась *всем ненужной*. Лишившись опоры, власть рассыпалась как карточный домик.

Темпы революции. Вопрос, которым много занимались в советское время, — это периодизация революции 1917 г. Для революции конца 1980-х — начала 1990-х годов периодизация практически не разработана. Не будет преувеличением сказать, что основные события революции начала века укладываются в 1917 г.

Намного сложнее дело обстояло со второй революцией. Логика системного кризиса оказывалась сильнее политических расчетов руководства страны. Возвращаясь к проблеме периодизации революции конца века, отмечу, что 1987 г. — год, когда начались радикальные реформы политической и экономической системы, стал «точкой невозврата» в разрушении СССР. Другими рубежами были 1989–1990 гг., когда в союзных республиках в результате альтернативных выборов возникли новые органы власти, противостоявшие «союзному центру», а также август 1991 г., фактически покончивший с существованием СССР, что юридически было закреплено Беловежскими соглашениями декабря 1991 г. На этом заканчивается революция в СССР. Российская революция завершится только в конце 1993 г. с ликвидацией Советов как формы организации политической власти.

Относительно невысокие (по сравнению с событиями 1917 г.) темпы революции конца 1980-х — начала 1990-х годов обусловили сохранение значительного числа управленческих структур советского периода, таких, например, как МВД и МИД. Мало изменились, несмотря на попытки реформирования, структуры бывшего КГБ, на местах практически неизменными остались структуры управления экономикой, социальной сферой. Полностью разрушенными оказались только аппарат КПСС и несколько позже, уже в конце 1993 г., Советы — две структуры, с которыми ассоциировался советский строй, политическая система СССР.

В этом были свои положительные и, как выяснилось позже, отрицательные моменты. Среди первых — не только отмеченная выше возможность избежать гражданской войны, но и сохранение международного статуса страны, преемственности России и СССР — от принятия Россией всех долгов республик бывшего СССР до места в Совете Безопасности ООН. Вместе с тем Россия унаследовала и ряд «родовых болезней» СССР, в том числе сырьевую зависимость и тенденцию к огосударствлению экономики.

* * *

Подводя итоги, отмечу, что революции в России начала и конца XX в. имели много общего. Это — утрата легитимности власти в глазах общества, неэффективность государственного управления, неспособность решать острейшие социальные проблемы, свойственные каждому из периодов истории страны, национально-сепаратистские тенденции. Их объединяет то, что следствием этих революций стало изменение политического строя, отношений собственности, системы социальных ценностей. Но были и существенные отличия. Прежде всего, это несравненно более низкий уровень насилия в событиях конца 1980-х — начала 1990-х годов и отсутствие гражданской войны как продолжения революции, а также сохранение и после 1991 г. многих институтов, сформировавшихся в СССР.